

ДЖЕРАРД КРЕМЕР

АННА ФРАНК. ПРЕДАННАЯ

ИСТОРИЯ, РАЗГАДАННАЯ СПУСТЯ 75 ЛЕТ

Х ЛОКОСТ · ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ

Джерард Кремер

Анна Франк. Преданная

Серия «Холокост. Правдивая история»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67740899
Анна Франк. Преданная: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-135988-1

Аннотация

Анна Франк является, пожалуй, одной из самых известных жертв Холокоста.

В 13 лет, будучи заключенной в лагере Освенцим, она начинает вести дневник. Впоследствии этот дневник был переведен на более чем 70 языков и стал мировым бестселлером. Своей историей Анна сумела передать всю трагедию миллионов жертв нацизма.

Спустя 75 лет после смерти Анны Франк, Джерард Кремер – сын члена Сопротивления в годы Второй мировой войны, – расследует дело о предательстве семьи Франк, основываясь на воспоминаниях своего отца и других свидетелей.

По свидетельствам Кремера, семья Франк была предана Анс Ван Дейк – еврейкой, выдававшей других евреев нацистам. Она стала единственной женщиной в Нидерландах, которой был вынесен смертный приговор за сотрудничество с нацистами. Хотя ее вина в деле о предательстве семьи Франк в то время

окончательно так и не была доказана, эта книга обнаруживает множество ранее неизвестных фактов, которые могут стать ключом к раскрытию этой запутанной и страшной истории.

Содержание

Предисловие	6
Смотритель на Вестермаркте	10
Вермахт в здании	19
Спрятанные сокровища	27
«Перераспределение»	35
Красное платье	43
Конец ознакомительного фрагмента.	51

**Джерард Кремер
Анна Франк. Преданная
История, разгаданная
спустя 75 лет**

Gerard Kremer

Anne Frank. Betrayed

The Mystery unravelled after 75 Years

*** * ***

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Печатается с разрешения издательства Lantaarn Publishers.

© Lantaarn Publishers, 2020

© Оформление, ООО «Издательство АСТ», 2022

Предисловие

У меня дома висит картина, на которой изображен небольшой район Амстердама: вид на Вестерторен с Принсенграхта. Я провел детство в этом районе. Оно было счастливым, несмотря на то что родился я во время войны. Я купил картину много лет назад в подарок жене. Подарок обошелся дорого, но я просто не мог его не взять. Моя жена Тоос родилась и выросла в Амстердаме, как и я. Если приглядеться к картине, можно увидеть дом, теперь известный как «тайное убежище Анны Франк и ее семьи». Я не заметил этого, когда покупал картину, так что это оказалось невероятным совпадением.

Иногда не понимаешь, насколько человек важен, пока не приблизишься к нему по возрасту. Мой отец Джерард (в честь которого меня назвали) был как раз таким человеком. Разумеется, для меня он всегда был важен, он ведь мой отец. Скромный человек. Он всегда много и усердно работал. В детстве меня едва ли интересовало, чем он занимается.

Я родился в 1943 году, в самый разгар Второй мировой войны. В детстве я почти ничего не знал о том, чем отец занимался во время оккупации: он не считал нужным делиться этой информацией. В то время он с маминой помощью просто делал, что было необходимо, как, по его мнению, поступил бы любой достойный человек.

Однако события глубоко его коснулись, они тихо жили в нем на протяжении многих лет. Обо всем стало известно намного позже, когда мы, дети, уже разъехались и создали собственные семьи, когда у всех появилось время все обдумать. Тогда долго подавляемые воспоминания вырвались наружу. Отец не мог уснуть и ночами бродил по дому, преследуемый прошлым. Мне надо было уехать в Канаду по работе, и моя жена Тоос несколько месяцев прожила с ним. В такие ночи, когда отец беспокойно бродил по дому и воспоминания буквально рвались из него, Тоос ставила чайник (спать все равно не получалось) и садилась слушать его истории.

Он рассказал ей то, чего никогда не рассказывал собственным детям. Наверное, не хотел нас грузить, да и кому понравилось бы рассказывать детям подобные ужасы? Он боролся со страхом, рисковал, обманывал и совершал вылазки под пристальным взглядом оккупантов. Он подвергал себя опасности, таким образом подвергая ей и нас. Но у него не было выбора; ему, по случайному стечению обстоятельств, выпал шанс сыграть важную роль в ходе войны и в жизни района, недалеко от Вестерторена и за углом «тайного убежища». Он видел сестер, Анну и Марго, гуляющих по району перед началом войны за руку с отцом Отто. Но мой папа даже не представлял, что они прятались так близко к нашему дому, пока их не выдал кто-то в августе 1944 года; это предательство едва ли не убило моего отца.

Но не будем забегать вперед. Со временем отец стал рас-

сказывать все больше и больше, и я начал отчетливо понимать, какую роль они с матерью сыграли в войне. Многие делали то, что должны были, что казалось им единственным правильным выбором. Многие не говорили об этом ни слова после освобождения. Возможно, это часть нашего национального характера: судят не по словам, а по поступкам. Или им было слишком больно это вспоминать. К чему беречь память об этой ужасной войне? Им надо было жить дальше, смысла жить в прошлом не было, а от рассказов еды дома больше не станет.

Моя работа в Канаде не увенчалась успехом, поэтому я вернулся в Нидерланды. Понемногу жена стала рассказывать мне истории, которые отец ей доверил. Я был потрясен до глубины души, но не представлял, что делать с этой информацией. У нас была семья, маленькая дочь, активная жизнь. Я много путешествовал из-за работы. Истории отца отошли на задний план, но я их не забыл.

Какое-то время назад я ушел на пенсию и наконец достиг того возраста, в котором человек начинает размышлять над прожитой жизнью. Память – интересная штука. Иногда воспоминание будто прячется на многие годы, чтобы потом резко и неожиданно вернуться: от голоса, запаха, имени. С возрастом я замечаю, что все больше и больше воспоминаний стали возвращаться ко мне, как запоздалое эхо. Только сейчас я начинаю полностью осознавать, через что прошел отец. Я понял, что все эти годы он хранил недостающие детали

пазла: загадки, кто выдал тайное убежище семьи Франков; вещи, которые были известны только ему, которыми он не поделился. Мой отец скончался, так что, если никто не поделится этой историей сейчас, она канет в небытие.

Я решил, что хочу предоставить историю отца публике. С одной стороны, чтобы отдать должное опасной работе, которую отец проделал для всего района Вестерторена. С другой, потому, что эта история проливает новый свет на человека, предавшего обитателей тайного убежища. Я лично убежден, что рассказ моего отца содержит важную новую информацию. Папа скончался, да и я сам давно не молод, поэтому пришел момент поделиться с публикой этой военной историей.

Смотритель на Вестермаркте

Январь 1941 года

На углу Вестермаркта и Кейзерсграхта величественно возвышалось огромное офисное здание. Джерард Кремер позвонил в дверь второго дома на Вестермаркте. Звонок оказался громким, звук прошелся по всему зданию. Щелчок, и тяжелые деревянные двери открылись. Джерард вошел в дом и аккуратно прикрыл за собой двери. Внутри, в будке рядом с вращающейся стеклянной дверью, сидел консьерж. Дверь не вращалась.

– Вы к кому? – поинтересовался консьерж.

– Я к господину Вюрдеманну, – ответил Джерард. – Он меня ожидает.

Консьерж критически осмотрел его из своей стеклянной будки и взял телефонную трубку. За этим последовал короткий разговор, который не был слышен посетителю. В конце концов консьерж кивнул и запустил вращающуюся дверь. Джерард прошел в коридор с высокими потолками и плиточным полом. В конце коридора находилась внушительная мраморная лестница с деревянными перилами. Откуда-то доносился слабый запах свежего кофе, настоящего, Джерард

давно от него отвык.

Джерард остановился со шляпой в руках. Одна из боковых дверей открылась, из нее вышел высокий и, без сомнения, богатый человек и направился к нему, протягивая руку.

– Кремер, верно? Моя фамилия Вюрдеманн. Пройдемте в мой офис.

Господин Вюрдеманн развернулся и зашагал с уверенностью человека, указаниям которого следуют всегда. Они направились к последней двери длинного коридора, по пути миновав несколько кабинетов, в которых сидели девушки с печатными машинками. Здание оказалось куда шире, чем Джерарду показалось снаружи. Вошли в офис, где царил совершенно иная атмосфера. Там находились стол из красного дерева и обитое кожей рабочее кресло. Напротив кожаного кресла стояло обыкновенное. Мужчина указал на последнее, и Джерард послушно туда сел. Он подумал, что было бы неплохо получить от мужчины не только работу, но и чашечку свежего кофе. В тот момент Джерард даже не мог решить, какой вариант его больше привлекает.

Вюрдеманн уселся напротив в кожаное кресло и сразу перешел к делу:

– Кремер, мы можем предложить вам должность смотрителя. Насколько я понимаю, вы нам подходите.

Джерард перевернул шляпу.

– Надеюсь, сэр. Во всяком случае, думаю, я вам подхожу.

– Кем вы раньше работали?

– Я ювелир. То есть я был ювелиром. Но вы сами понимаете, в таких условиях это больше невозможно. Мой работодатель, господин Полак...

Он не договорил. Вюрдеманн кивнул. Запрет заниматься торговлей алмазов повлиял не только на многих евреев, но и на их коллег, которые могли и не быть евреями. Одним вечером, незадолго до этой встречи, Джерарду сообщили, что на работе его больше не ждут. Он очень скучал по работе, хотя старался не подавать виду, и ни за что бы в этом не признался. Ему нравилась тонкая работа, нравилось создавать идеальные образцы. Также он скучал по многим знакомым; по ходу дела Джерард довольно органично вошел в местное еврейское общество. Отцы приглашали его на бар-мицвы сыновей, делились с ним как хорошими новостями, так и плохими. Но эти дни остались позади, и теперь Джерарду нужно было как можно скорее найти новую работу.

– Понятно. Нам нужен человек, на которого можно положиться, который умеет работать с инструментами, – Вюрдеманн оценивающе оглядел Джерарда. – Смотритель должен заниматься мелкими починками снаружи и внутри здания. Но это еще не все. На занимающего эту должность возлагается особая ответственность: Вы будете хранителем ключей от всех дверей в здании. После рабочего дня люди своевременно расходятся. Консьерж тоже уходит домой, соответственно, охранником здания остаетесь вы. Новый смотритель должен будет сюда переехать, мы отводим для жилья последний

этаж. Вы женаты, так ведь?

Джерард кивнул.

– Прекрасно, – ответил Вюрдеманн. – К работе нужно приступить как можно скорее. Я проведу вас по зданию и, надеюсь, сегодня же приму решение.

Он поднялся. Джерард скромно последовал за ним и впервые обошел здание, в котором ему предстояло проработать следующие 28 лет.

Вюрдеманн рассказал, что его семья купила дом № 2 на Вестермаркте. Много поколений семьи занимались торговлей напитками, и в подвале этого дома проводилась перегонка алкоголя. Первым делом Вюрдеманн отвел Джерарда посмотреть на винокурню. Они прошли мимо огромных медных чанов. Воздух там был тяжелый, пропитанный алкоголем. Джерард даже уловил сладкий запах эгг-нога.

Связанные с этим видом деятельности офисы находились на первом этаже, этажом выше занимались обжаркой кофе. Дальше находилось еще четыре этажа с офисами разных фирм. Во время экскурсии Джерард заметил, что жизнь на каждом уровне бьет ключом. В коридорах они сталкивались с людьми, несущими горы документов. Эти люди уступали им дорогу и вежливо здоровались с обоими. Вюрдеманн едва ли обращал на них внимание, он поднимался по лестнице широкими шагами, периодически указывая на кабинеты, трещину в какой-то оконной раме, краску на стенах.

– Перекраска тут не помешает, но для этого мы хотим на-

нять отдельного человека.

Джерард отметил, что здание было относительно новое, в хорошем состоянии, и решил, что легко справится с небольшими ремонтными работами. В конце концов они добрались до шестого (последнего) этажа. Там, прямо под крышей, стены шли под наклоном, а комнаты были намного меньше.

– Здесь будет ваш новый дом, – сказал Вюрдеманн.

Джерард осмотрел комнаты: две спальни, гостиная с газовым обогревателем, небольшая кухня с проведенной горячей и холодной водой. Места было немного, но имелось все, в чем Джерард нуждался. Была даже плоская крыша – идеальное местечко для летних дней. Оттуда открывался чудесный вид на дома Принсенграхта и Кейзерсграхта с одной стороны и Лелиграхта – с другой. Внизу располагался двор с садом, объединяющий все близстоящие дома. Доносилось звучание карильона из Вестерторена: только что пробило три часа. Джерард повернулся к Вюрдеманну.

– Я хотел бы у вас работать.

– Прекрасно, – улыбнулся Вюрдеманн. – Тогда поздравляю, вы наняты.

Две недели спустя Джерард и Беп Кремер переехали в это величественное здание. С одной стороны, за дверью гаража, располагался служебный вход, оснащенный грузовым лифтом. С его помощью Джерард с Беп подняли свои чемоданы наверх. Беп изучила комнаты.

– Такой роскошный дом, – сказала она. – Жаль только, что

мы все время будем сидеть под самой крышей, как какие-то голуби.

Джерард усмехнулся. Он знал, что жена любит роскошь. Ей нравилось носить дорогую одежду и шляпки, в идеале – с лисьим мехом.

– Места тут достаточно, – он пожал плечами. – К тому же выбора у нас нет. Повезло, что я вообще нашел работу, которая предоставляет жилье. Тут даже хватит места для детской, если она нам понадобится.

Беп что-то пробормотала и принялась разбирать коробки с вещами.

– Я не знаю, куда все сложить, – сухо сказала она.

Джерард понимал: Беп передумает. Она не хотела переезжать, им пришлось, а когда что-то шло не по плану, она всегда раздражалась. Также ее очень заботило мнение окружающих. Но теперь был хотя бы один плюс: у мужа появилась работа, еще и в таком большом здании. Можно не стесняться рассказывать это подругам. И Беп не боялась работать руками: несмотря на озвучиваемое недовольство, она уже раскладывала вещи по ящичкам и двигала мебель.

– Вис и Леви придут помочь? – спросил он.

Вис – сестра Беп. Леви – ее муж, еврей. Ему тоже недавно сообщили, что работодатель больше не имеет права его содержать.

– Может быть потом, – ответила Беп. – Кто-то сказал Леви, что где-то для него может быть работа, он должен пойти

и узнать сегодня.

– Будем надеяться, что остались люди, готовые брать на работу евреев, – сказал Джерард.

– Не знаешь, что стало с Полаком?

– Понятия не имею.

Бывший работодатель Джерарда внезапно пропал, а с ним – жена и дети. Такое теперь происходило с еврейскими семьями все чаще и чаще. Семьи исчезали, при этом все их вещи дома оставались нетронутыми. Их забирали, куда-то увозили? Они сбегали, где-то скрывались? У соседей, как правило, не было ответов. Иногда казалось, что они что-то знают, но никто ничего не рассказывал. А Джерард не настаивал. Его это не касалось, да и чем меньше знаешь, тем меньше проблем.

– Фух! – Беп заправила прядь волос за ухо. – Может, чайку? И перекусим. Мы заслужили.

– Присядь, отдохни, – сказал Джерард. – Я поставлю чайник.

Он быстро привык к работе смотрителя. Здание было в хорошем состоянии, но работы все же оказалось больше, чем Джерард ожидал. Ему вручили огромную связку ключей, которые выглядели совершенно одинаково. Ключ от двери, от служебного лифта, от подвала, от вращающейся двери, от комнаты консьержа. Первым делом он решил распределить ключи на доске и привязать к каждому определенный цвет. Так было хотя бы проще подобрать нужный ключ. Сотруд-

ники различных компаний быстро к нему привыкли, и после пары небольших починок (скрипучее окно теперь закрывается нормально, устранена протечка) все запомнили, где его искать.

Джерарду нравилось днем ходить по зданию, где жизнь была ключом. У него в голове не укладывалось, как столько совершенно разных дел может одновременно вершиться в одном здании. Он любил угадывать, кто из встречающихся в доме людей работал на ту или иную компанию. Обжарщики кофе узнавались сразу: они всегда ходили в фартуках. К тому же резкий запах свежееобжаренных кофейных зерен чувствовался за километр. Вскоре Джерарду тоже начал доставаться свежий кофе: он уносил домой остатки зерен или зерна, которые были обжарены недолжным образом. Даже такой кофе был в разы лучше того суррогата, который был в широком доступе.

Дамы и господа из страховой и торговой компаний, располагавшиеся этажом выше кофейной, всегда куда-то торопились, часто проходили через коридоры, уткнувшись носом в документы. Уходили и приходили они всегда с черными или коричневыми чемоданчиками. Рабочие винокурни делились на две группы: офисные сотрудники, занимающиеся продажами и управлением, и непосредственно винокуры, которые каждое утро спускались в подвал в комбинезонах. Внизу не было окон, только искусственное освещение. Подвал был огромный, занимая площадь под всем зданием.

Львиную его долю заполняли огромные медные чаны и деревянные бочки. Вентиляции там почти не было, и от тяжелого запаха алкоголя у Джерарда поначалу кружилась голова. У задней стены подвала было место для хранения вещей или продуктов.

Около пяти часов вечера сотрудники расходились, и дом стихал. В половину шестого заканчивался рабочий день Роджера, консьержа. Тогда приходила команда уборщиков и принималась за чистку офисов. Когда они заканчивали, Джерард запирает главный вход и вращающуюся дверь, и в здании не оставалось никого, кроме него и Беп.

По вечерам и воскресеньям им разрешалось принимать гостей. Однако гости должны были проявлять терпение: после звонка в дверь спуск с шестого этажа и отпирание дверей занимали у Джерарда некоторое время.

– Это настоящая крепость, – сказала Вис, его свояченица, когда они с мужем, Леви, впервые посетили Джерарда и Беп.

Они с наслаждением потягивали кофе. Джерард заметил, что Леви похудел. Его так и не взяли на ту работу.

– Мы можем как-то помочь? – спросил Джерард. – Возьмите немного кофе домой.

Они отказались, уверяя, что все в порядке, Джерарду не о чем беспокоиться.

Вермахт в здании

Июнь 1942 года

На часах 8.15 утра. Джерард разговаривал с Роджером на первом этаже, когда раздался звонок в дверь; звук прошелся по всему коридору. Роджер поспешил к своему посту, чтобы взглянуть на посетителя. Увидев, кто за дверью, он развернулся.

– Немцы. Там две машины. Кажется, вермахт, – консьерж нерешительно посмотрел на Джерарда.

– Наверное, надо их впустить, – пожал плечами Джерард.

Роджер отпер двери, и в фойе вошли трое мужчин в форме. Они остановились у вращающейся двери, нетерпеливо и раздраженно ожидая, пока Роджер их впустит. Двое мужчин средних лет и молодой парень. «Едва из пеленок вылез», – презрительно подумал Джерард. У офицеров был четкий приказ: занять два этажа здания, необходимых им для офисной работы и хранения архивов. Этажи надо было предоставить в тот же день.

– Но это невозможно, – сказал Джерард. – Все этажи здания используются, мы не можем просто выгнать людей на улицу.

Вместо ответа один из офицеров резко протянул Джерарду приказ. Всех слов тот не понял, но выглядел документ серьезно, с многочисленными штампами и подписями.

– Одну минуту, – сказал он. – Мне надо позвонить. Telefonieren.

Он повернулся к Роджеру и сказал:

– Я позвоню Вюрдеманну и оповещу его.

– Может, я предложу им кофе? – вежливо спросил Роджер.

– Не надо, – ответил Джерард. – Мы не будем подавать кофе немцам.

С этими словами он направился в офис, чтобы позвонить.

Вюрдеманн быстро понял, что никак не может препятствовать офицерам.

– Два этажа, говоришь? Немедленно? – спросил он со смирением. – Господи... скажи, чтобы заняли третий и четвертый. Видимо, придется распрощаться с торговой компанией.

– Но разве мы можем так поступить? – спросил Джерард. – Как нам это организовать? Сотрудники приедут с минуты на минуту, куда же им идти?

– Я позвоню менеджеру и все объясню, – ответил Вюрдеманн. – Сотрудникам придется забрать все свои вещи. Надеюсь, ты проследишь, чтобы процесс прошел тихо и спокойно. Мне не нужна лишняя шумиха, да и не хочется, чтобы это коснулось других компаний.

Вюрдеманн положил трубку.

Весь дом пришел в движение. Прибытие военнотружущих вермахта полностью нарушило распорядок дня. Сотрудники увидели армейские машины у здания, поэтому вошли со смесью страха и раздражения на лице. Директор торговой компании еще не прибыл; Джерард подозвал первых приехавших сотрудников к лестнице, чтобы объяснить ситуацию. Они были поражены.

– Что же нам делать? – спросила женщина. – Нам же все равно заплатят, правда?

– Я не знаю. Частное слово, не знаю, – больше Джерард ничего не мог сказать.

Он все поглядывал на дверь, надеясь, что с минуты на минуту появится директор. Немецкие офицеры тем временем курили и перебрасывались шутками у кабинки консьержа. Младший офицер держал руки в карманах, как и его коллеги, и разглядывал прибывающих сотрудников. Роджер не выходил из кабинки и изо всех сил старался исполнять свою работу.

Директор ворвался, подошел к офицерам и стал с ними ругаться. Но разговор вышел коротким и неприятным, Джерард понял это и на расстоянии. Офицеры и директор начали повышать голос, и в конце концов один из офицеров поднял руку и указал на потолок.

Директор присоединился к сотрудникам, которые тут же завалили его тонной вопросов. Он побелел и повел сотрудников наверх.

Офицеры поднялись по лестнице, Джерард последовал за ними. Мужчины изучали этажи, указывая, куда и что поставить. Было решено, что они вернутся утром. К тому моменту надлежало убрать все с этажей, кроме столов и шкафчиков. Немцам они понадобятся.

Одна из женщин заплакала. Молодой офицер подошел, вытащил из кармана носовой платочек и протянул его женщине. Она подняла глаза.

– Мне от тебя ничего не нужно, гад! Ничего! – крикнула она.

Юноша пожал плечами и смахнул все с соседнего стола одной рукой. Бумаги, подставки, ручки, ленты печатных машинок – все полетело на пол. Немцы посмеялись, развернулись и пошли дальше.

На освобождение этажей ушел почти весь день. Печальный знак, решил Джерард. Потрясенные сотрудники бродили по зданию, собирая вещи. Воспользовавшись личными связями, директор организовал пространство для хранения вещей на столько, насколько это необходимо, но нового офисного здания пока не было. Служебный лифт весь день то поднимался, то опускался, транспортируя из здания имущество изгнанной компании. Когда все кончилось, последним ушел директор. У него был пустой взгляд, будто он не до конца понимал, что с ним произошло.

– Извините, – сказал Джерард.

– Да вы же не виноваты, – вяло ответил директор. – Такова

жизнь.

Джерард не знал, что ответить, поэтому просто промолчал. Директор пожал ему руку и, не оборачиваясь, вышел из здания.

Следующим утром военные прибыли очень рано. К зданию подъехал полностью загруженный транспортный грузовик, и грузчики тут же принялись за дело. Роджер напряженно сидел на своем посту. Для удобства все двери оставили открытыми, и он очень старался не упустить проходящих сотрудников, которые должны у него отмечаться.

Немцы были заняты перетаскиванием вещей в здание: коробок с документами, печатных машинок, дубликаторов, инвентаря. Они осторожно поднимали все по лестнице. Джерард решил остаться у подножия лестницы, чтобы наблюдать за процессом. Когда один из солдат спросил, не может ли Джерард помочь, он быстро схватил какие-то небольшие инструменты и сделал вид, что ему срочно необходимо починить одну из дверных ручек.

Роджер похлопал его по плечу и спросил:

– Может, надо сказать им, что у нас есть служебный лифт?

– Я не буду ничего им говорить, – ответил Джерард. – Пусть таскают свой хлам по лестнице.

В первой половине дня подъехал грузовик с материалами для обжарки кофе. Он въехал в служебный вход по соседству, чтобы загрузить все в лифт. Через пару минут к Джерарду прибежал немец с красным лицом и высоким голосом

спросил, почему же, ради всего святого, Джерард не сказал им о служебном лифте.

– Что ж это я, совсем забыл, – сказал Джерард, изо всех сил изображая вину.

Он взял инструменты и поднялся по лестнице. Раз он был не в состоянии наблюдать за немцами, можно было и уйти. Он оказался на своем этаже, но Беп нигде не нашел. Обошел все комнаты и решил, что она, наверное, в туалете. Джерард постучал в дверь.

– Беп, ты здесь? Все нормально?

Через несколько секунд дверь открылась и вышла Беп, вся белая, на трясущихся ногах.

– Мне очень плохо, – сказала она, опускаясь на первый попавшийся стул. – Меня утром три раза стошнило.

– Может, сходить к врачу? – испуганно спросил Джерард.

Беп кивнула.

– Думаю, скоро придется. Но можно и завтра, это не срочно. К тому же я подозреваю, что доктор нам скажет, – она положила руку на живот и слабо улыбнулась.

Беп удалось записаться к врачу уже на следующий день. Доктор недавно переехал в их район и поселился практически по соседству; с ним были жена и двое маленьких детей, и практику он открыл совсем недавно. Пока доктор Лам осматривал Беп, Джерард ждал в соседней комнате. Вскоре доктор к нему подошел.

– Что ж, я вас поздравляю, – сказал он. – Ожидайте по-

полнения.

Они пожали друг другу руки. Доктор сел на диван рядом с Джерардом и его лицо приняло серьезное выражение.

– Я слышал, по вашему дому теперь шастают эти гады, – сказал он.

– Новости быстро расходятся, – ответил Джерард.

– Когда перед зданием весь день стоят армейские машины, догадаться не сложно, – сказал доктор. – Но даже если бы фрицы как-то прикрывались, новость все равно быстро разлетелась бы. Люди много говорят, Джерард. Мне вчера об этом сказали пациента четыре, не меньше. А если бы не рассказали они, рассказал бы кто-то другой. Как эти уроды себя ведут?

– Пока не могу сказать, – ответил Джерард. – Они ведь только приехали. Посмотрим, какие изменения внесут.

Доктор Лам ненадолго задумался.

– Если вам понадобится помощь, дайте знать, – сказал он. – У меня много полезных связей.

Казалось, доктор хотел что-то еще добавить, но в последний момент передумал. Беп вышла из приемной. Джерард поднялся и взял со стола шляпу.

– Скажите, если вам будет что-то нужно, – напомнил доктор Лам. – Мы ведь соседи, в конце концов.

– Голландские соседи, – сказал Джерард.

– Совершенно верно, – сказал доктор Лам. – Голландские соседи, вот мы кто.

К счастью, токсикоз Беп вскоре прошел. Они рассказали родственникам, что ждут ребенка. Вис и Леви первыми пришли в гости их поздравить.

– Мы весь путь проделали пешком. Идиотский трамвайный запрет! – пожаловалась Вис.

Несколькими неделями ранее объявили, что евреям теперь нельзя пользоваться трамваями. Этот запрет очень усложнил как простые встречи, так и своевременное прибытие на работу. Джерард заметил, что евреи, работающие на Вестермаркте, были вынуждены вставать как минимум на час раньше, чтобы успеть на работу пешком. Леви и так было трудно вовремя добираться до беседований. Транспортный запрет только усугубил его безработное положение.

– Еще и этот бред со звездой Давида... – продолжала возмущаться Вис.

Леви молчал. Как только они вошли, он тут же снял плащ, будто ему было стыдно перед Беп и Джерардом.

– Ладно, неважно, – продолжила Вис. – Хоть какие-то хорошие новости, малыш в семье! Жду не дождусь, когда он родится.

Когда гости собрались домой, Джерард отвел Леви в сторону.

– Я могу как-то помочь? – спросил он. – Хочешь, спрошу, не найдется ли тут для тебя работы?

– Это очень мило с твоей стороны, – ответил Леви, – но мы справляемся.

Спрятанные сокровища

С прибытием вермахта атмосфера в здании изменилась. Военные разгуливали в униформе и с таким видом, будто все здание принадлежало им. Помимо них в здании стали работать члены NSB¹. Джерард никак не мог решить, какая из групп ему противнее. Он ненавидел их форму и эмблемы. Некоторые парни только из пеленок вылезли, а уже излучали убеждение в чувстве собственного превосходства. Джерард изо всех сил избегал смотреть им в глаза: от одного их взгляда ему становилось противно. Казалось, что они заметят презрение в его глазах, и как бы ему ни хотелось высказать им в лицо все, что он о них думает, он понимал – безопаснее ладить с ними, насколько это возможно.

Пока они будто смирились с присутствием других сотрудников в здании – обжарщиков кофе и винокуров – как с меньшим из зол, но долго ли это продержится? Раз занять два этажа не составило проблемы, что помешает им с такой же легкостью занять все здание, если они решат, что им не хватает места?

Сотрудники других компаний были, мягко говоря, взволнованы. Джерард понимал это по их напряженным лицам, когда сталкивался с кем-то на лестнице или в коридоре. Но

¹ NSB – Национал-социалистическое движение, фашистская партия Нидерландов.

они в каком-то смысле тоже к этому привыкли, Джерарду оставалось только радоваться, что его, как зрителя, пока не собирались заменять. Он не представлял, что делать, если немцы решат выгнать его с женой и ребенком на улицу.

Было неизвестно, в чем заключалась работа военных. Третий этаж обустроили под офисы, а четвертый, вероятно, служил хранилищем. Проходя мимо, Джерард замечал постоянно пополняющиеся картотеки, подносы и папки документов. Немцы непрерывно кому-то звонили и ставили печати на каких-то документах.

Несколько недель спустя поступил новый приказ: часть подвала велели очистить под дополнительное хранилище. Джерард снова позвонил Вюрдеманну и проинформировал его. На следующей неделе он освободил комнаты в задней части подвала.

Поздним вечером, пару дней спустя, в гараж рядом со зданием въехал грузовик. Джерарду было интересно, что они привезли на этот раз: в конце концов, ответственность за здание лежала на нем. Заинтересованный, он подошел к грузовику и спросил, нужна ли помощь. Немец у грузовика раздраженно на него взглянул и отмахнулся. Джерард помедлил, стараясь выглядеть как можно более естественно, но после второго раздраженного взгляда немца покинул сцену. Войдя в здание, он сказал Роджеру:

– Не нравится мне это. Эти фрицы делают, что хотят, нам даже не рассказывают. Вдруг они держат в нашем подвале

оружие, или, не дай Бог, бомбы? Что нам делать, если так?

– Я уверен, они ведут себя осторожно, – ответил Роджер. – В их же интересах сохранить здание целым. Надо же им где-то вещи держать.

– Какой ты заботливый, – сказал Джерард.

Роджер не ответил. Джерард впервые задумался, на чьей стороне его знакомый на самом деле. Смотритель был уверен, что почти все голландцы относились к немецким оккупантам и их планам с таким же презрением, как и он сам. Но со временем он убедился, что многие граждане были только рады выслушать планы гитлеровской партии и с гордостью рассказывали, что являются членами NSB. Джерард пришел в ужас, когда узнал, что немало голландцев питали такую ненависть к евреям. Но он старался избегать разговоров об этом: никогда не знаешь, чем это тебе обернется. Роджеру он ничего не сказал, но решил впредь быть с ним осторожнее, тщательнее подбирать слова. Он понял, что теперь не может открыто высказывать свои мысли в родной стране.

Вечером Джерард заговорил с одним из винокуров, который весь день трудился в подвале, и спросил, что ему известно о вещих, которые немцы там держат. Тот пожал плечами:

– Это коробки с ящиками, – сказал он. – Я не знаю, что они там держат, знаю только, что этого добра много.

После работы Джерард обсудил произошедшее с Беп.

– Даже знать не хочу, чем фрицы там занимаются, – сказала она. – И тебя очень прошу не вмешиваться. Я не знаю,

что делать, если с тобой что-то случится. Тебя ведь это не касается, значит, ты никакой ответственности не несешь. Ты в ответе только за нас, у тебя ведь скоро будет ребенок.

Джерард понимал, что она совершенно права, но не мог отделаться от этих мыслей.

На протяжении следующих недель грузовики постоянно приезжали и уезжали. Раз в несколько дней приезжала другая машина, появляясь через служебный вход, чтобы грузчики отнесли в подвал продукты, или же чтобы оттуда их увезти. Это происходило каждый день, либо утром, либо вечером. У грузовика всегда стоял вооруженный солдат, который быстро демонстрировал, что чужие глаза им тут не нужны, стоило Джерарду только подойти. Он понимал, что лучше не связываться, но все же решил спуститься в подвал и узнать, что там происходит. В конце концов, надо проверить, не держат ли в здании что-то опасное. Он убеждал себя, что, как зритель, не может этого не сделать.

Одним субботним вечером, когда сотрудники разошлись по домам и Роджер покинул пост со словами «хороших выходных», Джерард спустился в подвал. Он прошел мимо дистилляторов и неиссякаемого запаса угля и оказался у задней части подвала. Пространство было набито коробками, ящиками и мешками, как ему и сказал винокур. Джерард выждал пару секунд, чтобы убедиться, что поблизости никого нет, хотя без ключа туда никто не смог бы пройти. Если бы за ним сейчас оказались немецкие солдаты... Убедившись,

что вокруг тишина, Джерард открыл первый ящик. Он оказался набит мешками сахара. Во втором были мешки муки. В третьем – картошка.

Оказалось, что немцы набили подвал продуктами питания и другими необходимыми вещами. Джерард обнаружил масло, лук, бобы, табак... и на этом список не кончается. Потрясенный, он опустил на один из ящичков. Военные создали в подвале настоящую пещеру сокровищ, прямо у него под носом. Интересно, как немцы раздобыли все эти продукты? И для кого они предназначались? Уж наверняка не для голландцев. Чем дальше Джерард об этом думал, тем больше злился. Он поверить не мог, что пока он получал еду маленькими порциями по карточкам, эти гнилые фрицы набивали подвал мешками еды.

Джерард молча поднялся на свой этаж. Жена хлопотала в гостиной: гладила и складывала одежду малыша. Живот Беп уже заметно увеличился, и многие знакомые стали отдавать им старое детское белье и одеяльца. Джерард ходил туда-сюда, погруженный в раздумья. Осознание, что подвал его дома (хотя дом ему не принадлежал, Джерард считал его своим) был набит краденым добром, беспокоило его. Он пообещал Беп ни во что не вмешиваться, да и подвергать ее и ребенка опасности совершенно не хотелось. Он метнул взгляд в ее сторону; Беп только что закончила гладить детскую пеленку и теперь аккуратно ее складывала.

Если он ничего не скажет, если оставит это при себе, не

будет ли давить совесть? Он ведь может помочь людям. Им с Беп запасов хватит, даже после рождения ребенка, но многие знакомые семьи голодали и бедствовали. Многие добытки внезапно лишились работы. Если бы они только знали о сокровищах в подвале... Ночью эти мысли не давали ему покоя. Он ворочался в постели, не в силах об этом забыть. Раньше он был убежден, что не будет ни во что вмешиваться, но в одну секунду все переменялось, и он твердо решил, что не может держать эту информацию при себе. Снаружи уже светало, когда он принял решение рассказать об этом. И он прекрасно знал, кому именно.

В следующую субботу Джерард позвонил доктору Ламу. Беп ушла навестить родственников, поэтому он был дома один. Телефонов осталось немного, но связь в его офисе еще работала. Только вот Джерард сомневался, что созваниваться безопасно. Поговаривали, что разговоры прослушиваются. Рисковать не хотелось.

– Это Джерард, – сказал он. – Джерард Креймер. Срочно нужна помощь. Моей жене очень плохо. Вы можете прийти? Пожалуйста, это очень важно.

Доктор Лам пообещал, что сейчас придет, и действительно оказался у двери Джерарда со всеми принадлежностями всего через 10 минут.

– Они вам не понадобятся, – сказал Джерард, когда они вошли. – Жена не болеет, мне просто надо кое-что с вами обсудить. Я должен показать вам что-то, но это секрет.

Доктор Лам сильно удивился, но быстро пришел в себя:
– Вы меня заинтриговали. В чем дело?

Джерард спустился с доктором в подвал, провел его через дистилляторы и горы угля в самый конец. Продуктов по-прежнему было великое множество, может, даже больше, чем в прошлый раз. Джерард открыл пару ящиков и мешков, чтобы доктор увидел, что внутри. Тот присвистнул.

– Ну и запасы, Джерард. Это немцы здесь сложили?

Джерард кивнул.

– Послушайте, – сказал он. – Я пообещал Беп, что не буду вмешиваться, но не могу жить спокойно, когда знаю, что тут все это добро, а я при этом ничего не делаю. Не знаю, откуда они это взяли, но...

– Я знаю, – резко сказал доктор Лам. – Теперь я все чаще и чаще слышу, что эти гадкие фрицы изымают товар у голландских фабрик и торговцев. Похоже, немалая часть этого конфиската оказывается здесь.

– Как думаете, для чего им это нужно? – спросил Джерард.

– Думаю, собираются перевезти все это в Германию, – ответил доктор Лам. – У них там сейчас острая нехватка еды. Надо же поддерживать боевой дух. Эти гады высосут из нас всю кровь, до последней капли, – в его глазах читалась чистая ненависть.

– Мы же не можем просто унести все отсюда, – сказал Джерард. – Если они заметят пропажу, подозрение сразу падет на меня. У меня ведь есть ключи от всех дверей.

Доктор Лам задумался.

– Может, мы придумаем способ, как проделать это незаметно, – медленно сказал он. – Столько моих знакомых голодает. Вы знаете, что даже в нашем районе многие семьи скрывают у себя людей? Им, разумеется, не хватает еды. У людей в убежищах больше нет документов, поэтому они не получают карточек.

– Я подозревал, – сказал Джерард. – Хотя не знал наверняка. Не хочется задавать лишних вопросов, даже когда имеются подозрения. Так меньше проблем и у меня, и у остальных.

– Это разумно, – кивнул доктор Лам и добавил, – я над этим подумаю, Джерард. Если вы не против, обсудю это с парой человек. У меня есть знакомые, которые, возможно, знают, что с этим делать.

– Если вы уверены, что им можно доверять, я не против, – ответил Джерард.

– Им можно доверять, жизнью ручаюсь, – сказал доктор Лам. – Мы придумаем, как перераспределить, так сказать, это добро по всему району.

«Перераспределение»

Сентябрь 1942 года

Какое-то время Джерард не получал вестей от доктора Лама, но внезапно в среду вечером раздался дверной звонок. У двери стоял высокий стройный мужчина.

– Я от доктора Лама, – сказал он. – В его доме утечка, он спрашивает, не могли бы вы заглянуть к нему и проверить.

Джерард на секунду задумался.

– Одну минуту, – сказал он. – Сейчас заберу сверху инструменты и скажу жене, что ухожу.

Джерард быстро взял вещи и сообщил Беп, что идет к доктору Ламу что-то починить. Он спустился; высокий мужчина терпеливо ждал его у входной двери. Они вышли на улицу и молча завернули за угол, где находились дом и кабинет врача. Стоило им позвонить, как дверь тут же открыла жена доктора Лама. Она провела их в заднюю комнату, где были задернуты шторы. Хозяин сидел за столом с другим женщиной. Доктор всех представил:

– Джерард, это Ян и его друг. Я рассказал им о вашей ситуации. То, что вы показали, очень важно, и мы рады, что вы решили поделиться этой информацией.

Мужчины кивнули.

– Мы видим возможность распределить некоторые продукты среди нуждающихся сограждан, – продолжил доктор Лам.

– Перераспределить, – сказал Ян.

Понемногу они принялись за выполнение плана. После каждой новой поставки Джерард спускался в подвал и немного забирал.

– Только будьте внимательны, не берите сразу весь мешок, – сказал ему Ян, у которого, очевидно, было много опыта в этой сфере. – Берите по чуть-чуть, понятно? Пару картофелин из каждого мешка, только верхний слой ящика мешков с сахаром. Важно, чтобы не было большой разницы между походами. Не оставляйте очевидных пробелов, иначе они все поймут.

То, что Джерард заберет из подвала, должно отправиться на крышу.

– Могу перевозить на служебном лифте, – сказал Джерард. – Он поднимается на самую крышу, а что надо, я своими руками донесу.

– Надо найти большую, прочную корзинку и длинную веревку, – ответил доктор Лам, – чтобы опускать продукты в садик за моим домом. Мой двор тоже туда выходит. Я внизу все заберу, и мы займемся распределением.

– Перераспределением, – повторил Ян.

Джерард на секунду задумался. Мужчины терпеливо жда-

ли, пока он обдумает все сказанное.

– Но что, если меня поймают? – спросил он. – Я сильно рискую. Если меня поймают... у меня ведь жена, еще и ребенок на подходе.

– Вы умный человек, – сказал доктор Лам. – Не сомневаюсь, вы будете осторожны. Продукты можно забирать по вечерам или по воскресеньям, когда в здании никого нет. И само собой разумеется, брать по чуть-чуть, чтобы немцы не заметили. Если несколько раз забрать немного, в итоге соберется приличный запас. Все можно поднимать на лифте. Никто ничего не узнает. Опускать продукты будем обязательно после комендантского часа, по возможности, когда стемнеет.

– К тому же вы ведь не воруете, – добавил Ян. – Вы просто возвращаете то, что эти уроды у нас отняли. Вы очень поможете голодающим семьям.

Джерард вздохнул и потер виски.

– Хорошо, – наконец сказал он. – Я согласен. Просто... Труднее всего не забирать вещи, а кое-что совсем другое.

– Что труднее всего? – спросил доктор Лам.

– Придется рассказать жене, – обеспокоенно ответил Джерард. – Я не смогу делать это иначе у нее под носом.

Он оказался прав: Беп была вне себя, когда услышала их план.

– Ни за что! – воскликнула она. – С ума сошел? Я же сказала тебе не вмешиваться. Ты ввязываешься Бог знает во что, даже не представляя, чем это может кончиться, Джерард. Гла-

зом моргнуть не успеешь, как в нашу дверь постучат. Я против!

Джерард пытался ее успокоить, но безуспешно. Она кричала еще минут пятнадцать, и Джерард задумался, не придется ли отменить всю эту затею.

– Ты вообще знаешь, что там, в подвале? – наконец спросил он.

Беп не ответила и с каменным лицом принялась обрезать фасоль: она вся была в коричневых точках. Это в последнее время стало учащаться.

– Мука, – сказал он. – И яблоки. Яйца. Лук, табак, фасоль. Целые мешки, Беп. Ты даже не представляешь.

Жена гневно на него взглянула.

– Это не наше! – воскликнула она.

– Вот тут ты ошибаешься, – сказал Джерард. – Это именно наше. Это голландцев. Те уроды украли это у нас. Мы всего лишь хотим вернуть все на свои места.

Беп звучно бросила горсть фасолин на сковородку.

– Может, хватит уже? – сказала она. – Так ты моргнуть не успеешь, как окажешься в тюрьме. И что будет со мной? С нашим ребенком? Как нам быть тогда? Уже вижу картину: жители района радуются еде, потому что тебе вдруг надо быть героем, но бац, и ты оказываешься в тюрьме, а мы с малышом – на улице.

Джерард вздохнул.

– Я работаю с доктором Ламом. Он тоже разумный чело-

век с ответственностями, так ведь? Подумай, как он рискует. У него тоже семья, он не может позволить себе лишиться докторской практики.

– Мне все равно. Я этого не потерплю.

– Хотя бы спустись с нами в подвал и посмотри сама, – сказал он. – К тому же мы не обязаны распределять все по району. Можно время от времени брать что-то просто для себя. Только представь, ты можешь торт испечь из всего, что там лежит.

Беп молчала.

– Просто спустись и взгляни, – повторил Джерард.

Беп по-прежнему молчала, когда они спустились к припасам в подвале. Время от времени она открывала ящики, слегка подталкивала мешок картошки ногой, доставала из мешка лук и проверяла, насколько он твердый. В конце концов она скрестила руки на груди.

– Видишь, Беп? – спросил Джерард. – Хорошая еда. Мы же не можем оставить ее всю фрицам, правда?

Она пожалала плечами. Ее взгляд упал на мешки с мукой.

– Никто об этом не узнает, – продолжил Джерард. – Только ты, я, доктор Лам и два его знакомых. Мы никому в здании не расскажем, никто не узнает.

– Какое-то безумие. Прямо под носом у немцев, – сказала она.

– Мы будем делать это по вечерам, после уборки. Или по воскресеньям. Ты же знаешь, что в это время тут никого нет,

так ведь?

– А если кто-то войдет, а ты тут набиваешь карманы?

– Чтобы сюда войти, надо позвонить в звонок, – сказал Джерард. – Без ключа никто войти не может. Никто ни о чем не узнает. Они у нас воруют, Беп! Люди голодают. Мы должны что-то сделать. Если мы, зная об этом, ничего не сделаем, я понимаю, что в будущем не смогу на себя в зеркало смотреть. Никогда. А ты сможешь?

Беп стояла, скрестив руки и наморщив лоб. Наконец она медленно кивнула.

– Ладно, – сказала она.

Джерард почувствовал волну облегчения.

– Только никому ни слова, – продолжила она. – Вообще никому. Ни семье, ни друзьям. Никогда. Мы не знаем, кому можно доверять.

– Разумно, – сказал Джерард. – Никому ни слова.

– А если что-то пойдет не так, если тебя поймают... – она запнулась. – Я тебя побью, серьезно, вот увидишь! – Ее глаза сверкнули.

Джерард хотел ответить, что, если его поймают, побьют и без ее помощи, но решил промолчать.

Доктор Лам обрадовался, когда услышал, что Джерарду удалось уговорить Беп. Он предоставил им прочную плетеную корзинку с двумя ручками и веревку, достаточно длинную, чтобы ее можно было спустить в сад с крыши. Джерард собирался впервые опустить корзинку с едой в следующее

воскресенье.

Тем временем работа зрителя, как всегда, не давала Джерарду расслабиться. Конечно, к нему в первую очередь обращались по поводу любых проблем в здании, как серьезных, так и не очень. Также он должен был следить, чтобы здание всегда оставалось убраным и чистым. Неделей ранее приехали две новые работницы. Они всегда задерживались рядом с местом консьержа. Немного поболтав и посмеявшись с ним, они исчезали куда-то на верхние этажи.

– Что это за дамы? – поинтересовался у него Джерард. – Похоже, ты им приглянулся.

Роджер покраснел.

– Не говори глупостей, – сказал он. – Они работают на третьем этаже, убирают там и приносят всем кофе.

Джерард отметил слова, которые использовал Роджер. Поскольку вермахт и NSB конфисковали третий и четвертый этажи, Джерард называл их «фрицевыми этажами». Его поразило, что Роджер говорил об этом с такой непринужденностью, и вновь заставило задуматься, на чьей он стороне.

– Просто будь осторожен, – сказал Джерард как можно спокойнее. – А то сам не заметишь, как окажешься в ловушке.

Роджер по-прежнему выглядел неловко.

– Слышала, фрицы наняли двух голландок? – спросил он у Беп чуть позже.

– Знаю, да, – ответила она. – Эмили и Флор. Пару недель

назад познакомилась с ними. Не хотели меня отпустить, как только увидели мое пузо.

– Интересно, что они за женщины, раз готовы работать на этих крыс, – сказал Джерард. – Мне было бы так стыдно другим об этом рассказывать.

– Они точно из NSB, я уверена, – сказала Беп. – Мне они ничего не сказали, но я сразу поняла по их отношению к немцам. Если бы я должна была подносить фрицам кофе, непременно добавила бы в чашку ложечку мышьяка.

– Роджер, вроде, с ними ладит. Они сегодня так мило болтали. Нам надо быть с ним осторожнее. Он-то многое видит и слышит на своем посту.

Красное платье

Октябрь 1942 года

Одним субботним вечером Беп и Джерард сидели за столом. Они ужинали в тишине, оба погруженные в собственные мысли. Сегодня им предстояло сделать это в первый раз. На крыше ждали корзина с веревкой. Корзинку планировали опустить в десять часов, значит, наполнить ее надо было до этого.

Джерард волновался, но при этом был в предвкушении. Он был счастлив, что наконец мог сделать что-то с такой вопиющей и неприкрытой несправедливостью. Он перебрал в уме детали плана. Спустить корзину, наполнить продуктами, поднять обратно на крышу, опустить на веревке. Ровно в десять. Он боялся представить, что будет, если он опустит корзину, а доктора Лама внизу не окажется. Если кто-то пройдет мимо, непременно увидит корзину, полную еды. Главное – точно рассчитать время. На всякий случай Джерард сверил наручные часы с часами в холле. Время было одинаковое.

Джерард заставил себя доесть ужин, хотя от напряжения голода совсем не чувствовал. Впервые в его душу закралось сомнение. Он в любом случае собирался выполнить план, но

мысли о том, что может пойти не так, роились в его голове, словно пчелы. Как ни странно, теперь Беп стала образцом спокойствия. Она размеренно поужинала, аппетит, очевидно, не пропал, несмотря на то, что им с Джерардом предстояло проделать. Пока Беп убирала со стола и складывала тарелки в раковину, муж над ней кружился.

– Тебе пора, – наконец сказала она. – У тебя будто шило в штанах.

– Пока нельзя, – ответил Джерард. – Уборщики еще не ушли.

Полчаса спустя он запер дверь за уходящими уборщиками. Теперь поводов оттягивать не было. Джерард взял корзину и отправился в путь. Спускаясь в лифте, он осознал, что не придумал достойного оправдания на случай, если его с корзиной кто-то увидит. Почему зритель расхаживает по зданию так поздно, еще и с огромной корзиной?

Выйдя из лифта, он остановился. Пустой и тихий холл был совершенно не похож на себя же днем. Днем его наполняли шаги, голоса, телефонные звонки, стук печатных машинок, звонки в дверь с улицы, вращение стеклянной двери. Теперь было тихо и пусто. Поэтому стали слышны другие, обычно незаметные звуки. Тиканье отопительных труб. Шум дождя за окном у входной двери. Джерард не включил свет на случай, если кто-то будет проходить мимо окон. Окна, разумеется, затемнили по приказу оккупантов. Да и уже начался комендантский час, так что любой гуляющий сейчас спешил

домой, а не заглядывал в окна. Но так было спокойнее.

Джерард спустился в подвал; там было так темно, что он ничего не мог разглядеть. К счастью, там можно было включить свет, не боясь быть замеченным. Смотритель крепко сжал корзину обеими руками и заставил себя дойти до задней стены, где были сложены припасы. Он взялся за выполнение плана. Начал с тяжелого: несколько мешков муки, сахара и фасоли. Сверху он положил яблоки и луковицы. Периодически он останавливался послушать, по-прежнему ли тихо. Но никаких звуков, кроме отдающего в висках сердцебиения, не было. Наполнив корзину, Джерард потащил ее к выходу. Пронести корзину через подвал было не просто, но напряжение и адреналин помогли с этим справиться. Он притормозил у выхода из подвала, чтобы проверить, что никто не проник в здание. Сделать это было практически невозможно, потому что ключей практически у кого не было. Но Джерард знал, что звонка в дверь из подвала он не услышит.

Никаких признаков жизни не было. Джерард выключил свет в подвале и с трудом засунул корзинку в лифт. Закрыв двери лифта, он с облегчением выдохнул. Первая часть плана выполнена успешно.

Беп ждала его наверху. Она изучила корзину и вытащила оттуда несколько яблок.

– Отложу их, – сказала она. – Витамины для малыша.

Вместе они подняли корзину на крышу. По-прежнему шел дождь; осталось только надеяться, что мешки сахара,

муки и фасоли не размокнут и не порвутся. Поливаемый дождем, Джерард привязал веревку к ручкам корзины и посмотрел вниз. Среди деревьев он с трудом разглядел смутную фигуру. Или она ему мерещится? Вдруг снизу раздался легкий свист. Беп подтолкнула мужа:

– Это он, – сказала она. – Опускай корзинку.

Жена протянула ему кожаные перчатки.

– Это еще зачем? – спросил он. – Тут не настолько холодно.

– Просто надень их, – сказала Беп. – Потом спасибо скажешь.

Она оказалась права: корзина получилась довольно тяжелая, поэтому опускать веревку достаточно осторожно и медленно было не так-то просто. Если опускать слишком быстро, корзинка начинает крутиться и опасно приближаться к окнам. Если она попадет в окно, звук будет настолько громкий, что кто-то из соседей непременно выглянет взглянуть, в чем дело. Джерард опускал корзину метр за метром. Чем ниже она опускалась, тем проще ему становилось. Наконец он услышал приглушенный стук: поклажа опустилась на землю. Вскоре Джерард почувствовал, что веревку слегка дернули, и он принялся поднимать пустую корзинку обратно. Он почувствовал такое облегчение, что хотелось кричать, прямо там, на мокрой крыше, под покровом зимней ночи, но Беп быстро увела его обратно в теплый дом. Он снял перчатки. Ладони горели и были покрыты красными полосами.

– Кажется, ты спасла мои ладони, – робко сказал он. – Спасибо.

– Не благодари, – сказала Беп и, довольная, принялась нарезать блестящее яблочко.

Ранним вечером несколько дней спустя к ним в гости зашел доктор Лам. Все уселись за кухонным столом.

– Ну? – спросил Джерард.

Доктор Лам кивнул.

– Все прошло успешно. Удалось распределить продукты незаметно. Кажется, мы выручили около пятнадцати семей. Вы поработали на славу.

– Отличные новости, – сказал Джерард.

– Теперь давайте договоримся, – сказал доктор Лам. – Мне не стоит часто заходить к вам в такое время. Подозреваю, что сейчас все за всеми следят.

Беп поднесла ему чашку крепкого чая, доктор ее поблагодарил.

– Давайте придумаем какой-то сигнал, – продолжил он. – Вам надо следить, когда привозят новую поставку, чтобы потом как-то сообщить мне, что вы собрали новую корзинку.

Все ненадолго задумались.

– Кажется, я придумала, – осторожно сказала Беп. – Я часто развешиваю стирку снаружи, на крыше. Можем договориться, что я буду вешать что-то очень яркое, что будет выделяться. У меня есть красное платье, думаю, оно подойдет. Все равно носить его я смогу еще не скоро. Если увидите

красное платье, будете знать, что этой ночью мы готовы опустить корзинку.

– По-моему, прекрасный план, – кивнул доктор Лам. – Давайте так и сделаем. И нам нельзя часто пересекаться, только в чрезвычайных ситуациях. Вы знали, что через несколько домов отсюда живет человек из NSB?

– Да, знаю, – сказал Джерард. – Андевиль. Живет в шестом доме и следит за всем, что происходит на улице. Очень неприятный человек. Точно что-то заподозрит, если мы будем часто общаться.

– Значит, красное платье, – сказал доктор Лам. – Буду его ждать. Надеюсь, вы сможете часто его вывешивать. И вот еще что... – он замешкался, будто не зная, как закончить предложение.

– Что такое? – спросил Джерард.

Доктор Лам почесал затылок. Он будто в чем-то сомневался. Собравшись, он сказал:

– Я хотел кое о чем вас попросить. Мне сложно это сделать, вы ведь и так сильно помогаете. Да и я не стал бы просить, будь у меня другой вариант, но...

Он снова замялся.

– Ну же, доктор, говорите! – нетерпеливо сказал Джерард. Наконец доктор Лам заговорил.

– Вы, конечно, понимаете, что у меня много всяких связей. Лучше, если я не буду пускаться в подробности, но дело в том, что мне известно о некоторых людях, евреях, которым

вскоре понадобится убежище. Учитывая, сколько в вашем здании места, я подумал...

Он снова замолчал. Джерард и Беп тоже притихли.

– Спрятать людей? – наконец сказал Джерард. – В таком-то активном здании? И прямо под носом вермахта?

– Это последнее место, которое будут подозревать, – ответил доктор Лам. – Это офисное здание, люди здесь не сутки напролет, поэтому спрятать кого-то как раз проще, чем в жилом доме. Тут нет близких соседей, которые будут подслушивать через стенку каждый вечер, или начнут подозревать что-то из-за незнакомых звуков. По ночам фрицев нет. Честно, я не стал бы просить вас о таком, если бы имелись варианты получше. Я знаю, что вам можно доверять.

– Сколько человек? – спросила Беп.

– Пара с двумя детьми и еще три супружеские пары без детей, – ответил врач.

– Это десять человек, – сказал Джерард. – Где же нам прятать десять человек? Днем тут все этажи забиты сотрудниками.

– Я подумал, – сказал доктор, – что можно было бы использовать пространство под лестницей. Можно закрыть их перегородками. Там не так мало места, как может показаться.

– Надо сделать перегородку звуконепроницаемой, – сказал Джерард. – Иначе им придется весь день сидеть тише воды, ниже травы. Так никто не сможет, особенно ребенок.

– Они сбили себе режим сна, – сказал доктор. – Им уже приходится скрываться, они привыкли сидеть тише воды ниже травы. Поэтому днем они спят, а по ночам бодрствуют, едят, разминают ноги. Но вскоре им придется перебраться: за тем домом следят, и женщина, которая их скрывает, боится, что их выдадут.

– Вы о многом нас просите, – натянуто сказала Беп.

Она положила руку на большой живот. Ей уже скоро предстояло родить.

– Я знаю, – ответил доктор Лам. – И вы имеете полное право мне отказать. Я все понимаю и не стану ни в чем вас винить. Но эти люди находятся в смертельной опасности, а ваше здание – лучший вариант, что мне представляется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.